

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ НОВЫХ ДЕМОКРАТИЙ

П. С. Куманичкин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 ноября 2015 г.

Аннотация: в статье предлагаются параметры оценки и типология государственной состоятельности, анализируется уровень потенциала государственной состоятельности стран Центральной и Восточной Европы, определяется значение государственной состоятельности как фактора демократической трансформации постсоциалистических режимов.

Ключевые слова: государство, государственная состоятельность, демократическая трансформация, постсоциалистические режимы, многомерный статистический анализ.

Abstract: in this article we developed assessment parameters and typology of state capacity, analyzed level of the state capacity of the Central and Eastern European countries, determined the value of state capacity as a factor of democratic transformation of post-socialist regimes.

Key words: state, state capacity, democratic transformation, post-socialist regimes, multivariate statistics.

Изучение различных аспектов и характеристик государственной состоятельности современных наций-государств выступает одной из центральных тем исследования в отечественной и зарубежной политической науке. В рамках данной проблематики особое внимание уделяется рассмотрению условий и специфических особенностей государственной состоятельности на постсоветском пространстве, а также анализу факторов и параметров динамики государственной состоятельности в контексте связи с процессами демократической трансформации постсоциалистических режимов Центральной и Восточной Европы. Обусловлено это, во-первых, одновременно (конец 1980-х – начало 1990-х гг. в рамках третьей волны демократизации) возникновению перед данной группой государств необходимости перестройки формальных (структурных) и содержательных (функциональных) оснований государственности, что представляет крайне интересной сопоставительную динамику складывания государственной состоятельности стран данного региона. Во-вторых, тем фактом, что учреждение современных институциональных форм в странах Центральной и Восточной Европы происходило на кардинально новых для них основаниях и принципах, следовательно, большой интерес представляет исследование страновых различий в опыте и отклонении институциональных изменений и политической модернизации от провозглашаемых стандартов и параметров.

В представленной статье сделана попытка содержательно раскрыть специфику и выделить общие

закономерности развития государственной состоятельности постсоциалистических стран, проследив взаимосвязь трансформации политических режимов на пути к демократии с характеристиками функционирования государства в странах Центральной и Восточной Европы.

Первым делом необходимо обратиться к самому понятию государственной состоятельности, с точки зрения содержательной интерпретации которого не существует единой точки зрения.

С позиции понимания некоего *идеального типа* современного состоятельного государства можно рассматривать *государство всеобщего благосостояния* (англ. welfare state) – концепцию правительства, при которой государство играет ключевую роль в защите и поощрении экономического и социального благополучия граждан на принципах равенства возможностей, справедливого распределения богатства и общественной ответственности за тех, кто не может обеспечить себе минимальные условия хорошей жизни [1]. Данный концепт близок к современной интерпретации *правового государства*, базирующегося на единстве четырех оснований: 1) институциональной основы – обеспечение децентрализации власти; 2) ценностной основы – гарантирование прав и свобод человека; 3) нормативно-правовой основы – реализация принципа правозаконности; 4) социальной основы – развитость гражданского общества [2].

В целом же в рамках концептуализации категории *состоятельного государства* в политической науке сложились две группы подходов, каждый из которых, в свою очередь, содержит множество конкретных

дефиниций [3]: 1) состоятельность трактуется как способность государства выполнять витальные функции в жизни общества; 2) состоятельность понимается как потенциал государства в консолидации, централизации ресурсов.

В то же время важно уяснить, что государственная состоятельность в зависимости от различных типов обществ имеет различное выражение, характеризующее специфику государств-состояний. М. В. Ильин отмечает, что масштаб государственной состоятельности определяется требованиями к тому или иному государству-состоянию со стороны других территориальных ячеек, а также его собственных подданных или граждан, однако неравенства и асимметрии существенно варьируют параметры государственной состоятельности, а те в значительной мере зависят от разновидности самого государства-состояния, соответствующие инфраструктурные и ресурсные возможности которого становятся весьма специфичными и зачастую являются уникальными проявлениями государственной состоятельности [4].

В примерно схожей логике Френсис Фукуяма строит матрицу соотношения эффективности и государственности. Он выделяет два критерия, определяющих тип государственной состоятельности: сила государственных институтов и масштаб государственного регулирования [5].

В рамках другого распространенного в науке подхода самым общим критерием оценки состоятельности государства принято считать его способность к производству общественных благ [6]. Согласно концепции Роберта Ротберга под общественными благами следует понимать результат способности власти удовлетворять ожидания общества и обеспечивать инфраструктуру для участия граждан в производстве благ, к которым он относит безопасность, законность, политическую свободу, возможности экономики, образование, здравоохранение, инфраструктуру и условия для развития гражданской активности [7]. Соответственно, в зависимости от способности (либо неспособности) государств предоставлять основные блага высокого качества и достаточного количества автор выделяет четыре группы государств [8]:

- 1) сильные (*strong*), демонстрирующие устойчивое производство благ;
- 2) слабые (*weak*), производящие блага неустойчиво, в ограниченном количестве и недостаточного качества;
- 3) гибнущие (*failing*), испытывающие острый качественный и количественный дефицит благ;
- 4) распавшиеся (*collapsed*), практически лишённые благ.

Из рассмотренных подходов к пониманию государственной состоятельности следует, что достиже-

ние и обеспечение государственной состоятельности неотделимы от реализации *ключевых функций современного государства*. А. Ю. Мельвиль в сравнительном исследовании, посвященном выявлению траекторий режимных трансформаций и определению типов государственной состоятельности посткоммунистических стран, выделяет и операционализирует следующие базовые функции государства [9]:

1) обеспечение *внешней безопасности* (наличие агрессии на территорию данного государства, наличие территориальных претензий к данному государству, неопределенность границ);

2) обеспечение *внутреннего порядка* (наличие террористической активности, гражданская война, наличие незаконных вооруженных формирований, исчезновение людей, внесудебные расправы);

3) обеспечение *легитимности* (изменчивость базовых конституционных правил, согласие с основами конституционного порядка, наличие политических заключенных);

4) обеспечение *управления* («приватизация» государственных полномочий (формальными или неформальными группами, кланами и др.), эффективность государственного управления, контроль над коррупцией, качество экономического регулирования);

5) обеспечение *развития* (расходы на здравоохранение (поддержание общественного капитала); расходы на НИОКР (как важный показатель поддержки инновационной деятельности); внутренний кредит частному сектору (поддержка предпринимательства)).

Соответственно, можно заключить, что максимально эффективным и устойчивым является государство, характеризующееся стабильной воспроизводимостью своих функций и легитимированное на всех трех уровнях (персональном, структурном, идеологическом) по отношению ко всем источникам и обеим зонам легитимности (вертикальной и горизонтальной). Иными словами, политическая стабильность, эффективность государственного управления и легитимность государственной власти выступают в качестве ключевых детерминант состоятельности современного государства, отражая качественный уровень исполнения основных государственных функций и описывая потенциал государственной состоятельности. Таким образом, **государственную состоятельность** целесообразно понимать как сущностную качественную характеристику государства, динамически отражающую его способность к обеспечению устойчивого развития, степень реализации государственных функций, уровень стабильности, эффективности и легитимности функционирования системы государственных институтов. Также в логике единства макропараметров-детерминант для обес-

печения сравнительной количественной оценки государственной состоятельности была составлена

система показателей и индексных индикаторов состоятельного государства (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Система оценки государственной состоятельности

Параметр	Показатель	Индексный индикатор
Политическая стабильность	1.1. Доступ к политическим ресурсам	Совокупный индекс свободы доступа к политическим ресурсам (Vanhanen Indices)
	1.2. Институциональное равновесие политической системы	Political Stability and Absence of Violence Index of Worldwide Governance Indicators (The World Bank)
	1.3. Прозрачность функционирования государственных институтов	The Corruption Perceptions Index (Transparency International)
	1.4. Уровень политических рисков	Failed States Index (The Fund for Peace)
	1.5. Нормативно-правовые гарантии системы	Rule of Law Index of Worldwide Governance Indicators (The World Bank)
Эффективность государственного управления	2.1. Экономическая эффективность	GNI – Gross National Income (The World Bank)
	2.2. Социальная эффективность	Human Development Index (United Nations Development Programme (UNDP))
	2.3. Эффективность политико-управленческих решений	Government Effectiveness Index of Worldwide Governance Indicators (The World Bank)
	2.4. Инновационная эффективность	The Global Competitiveness Index (World Economic Forum)
	2.5. Эффективность коммуникации и обратной связи	Voice and Accountability Index of Worldwide Governance Indicators (The World Bank)

При этом подразумевается, что политическая стабильность представляет собой структурное изменение состоятельности государства, а эффективность государственного управления – функциональное измерение.

Вместе с тем для проведения сравнительного исследования помимо обозначенных детерминант и измерений состоятельности государства необходимо также выделить *критерии типологизации* государственной состоятельности.

В качестве ключевых целесообразно рассматривать два критерия: 1) институциональная среда, определяющая нормы и «правила игры» в поле политики; 2) функциональная роль государства в общественном развитии. Соответственно, *по первому критерию*, основываясь на неинституциональной теории – неоклассической концепции государства Д. Норта [10] и концепте государства – «стационарного бандита» М. Олсона [11], можно предложить два типа государств.

1. *Контрактное государство*. Существует в четких конституционно-правовых рамках, опирается на широкое участие граждан, ориентируется на рынок и стремится к максимизации совокупного дохода

всего общества. Контрактному государству присущ высокий потенциал сохранения политической стабильности и равновесного состояния институциональной среды при широких возможностях адаптивности системы институтов к потребностям общества и внешнего окружения, развитости механизмов *институционального изоморфизма*, т.е. приведения системы институтов в соответствие стандартам, нормам и процедурам конкурентной среды, обусловленных вызовами извне или внутренними проблемами системы [12].

2. *Эксплуататорское государство*. Базируется на принципе максимизации предпочтений правящей элиты и системе доминирования институционально неорганизованных неформальных связей практик над формальными институтами в рамках гражданского общества. Существенная отличительная черта эксплуататорского государства заключается в важной роли, которую играет распределение потенциала насилия среди граждан: индивид или группа, обладающие наибольшим потенциалом насилия, контролируют государственный аппарат и присваивают монополию на применение насилия. Обусловленность деятельности эксплуататорского государства

распределением потенциала насилия предполагает его внутреннюю нестабильность [там же].

В рамках *второго критерия* также следует выделить два типа государств.

1. *Активизирующее государство*. Переопределяет отношения между государством и гражданами в направлении от опеки к партнерским отношениям. Задачи государства определяются в ходе общественной дискуссии, ответственность разделяется между обществом и государством. Государство инициирует процессы решения общественных проблем и выступает в роли посредника, устанавливает пределы ответственности граждан в этих рамках [13]. Таким образом, важнейшими функциями государства становятся инициирование, активизация и стимулирование общественных инициатив, раскрытие потенциала национальной конкурентоспособности.

2. *Стагнирующее государство*. Характеризуется слабостью в воспроизводстве государственных функций, стагнацией в развитии, неспособностью реализовать свой ресурсный потенциал с точки зрения мобилизации и стимулирования общественных инициатив.

Таким образом, матрицу аналитической классификации государственной состоятельности на основании двух выделенных типологических критериев можно представить следующим образом (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Типология государственной состоятельности

I. Институциональная среда	II. Функциональная роль
Контрактное государство	Активизирующее государство
Эксплуататорское государство	Стагнирующее государство

Опираясь на приведенную систему показателей государственной состоятельности и данную типологию, можно описать потенциал национально-государственной состоятельности:

1. Высокий потенциал состоятельности – *контрактные активизирующие государства*.

2. Средний потенциал состоятельности – *контрактные государства со слабой активизирующей ролью*.

3. Потенциал состоятельности ниже среднего – *стагнирующие государства со слабым контрактным институциональным механизмом*.

4. Низкий потенциал состоятельности – *эксплуататорские стагнирующие государства*.

Для определения потенциала государственной состоятельности стран Центральной и Восточной

Европы¹ по выделенным показателям государственной состоятельности, характеризующим параметры политической стабильности и эффективности государственного управления, была осуществлена многомерная классификация в программе SPSS Statistics на основании использования метода иерархической кластеризации, осуществленной алгоритмом полной связи (от англ. *complete-linkage clustering*; известен также как метод «дальнего соседа») с заданной интервальной мерой в виде квадрата расстояния Евклида. При этом было задано число кластеров в соответствии с предложенной типологией государственной состоятельности – 4 кластера.

По результатам анализа в программе SPSS распределение стран по кластерам на основе показателей государственной состоятельности выглядит и может быть качественно проинтерпретировано следующим образом.

Кластер 1 – Россия и Беларусь.

Для этих двух стран характерна тенденция к складыванию монополии государства (и групп правящей элиты) как единственного актора распределения благ при заведомо несправедливом характере самого распределения и хаотизации практик формально институционализированного управления, значительной роли неформальных сетевых, клиентельно-патронажных и коррупционных механизмов. Еще важными чертами специфики государственной состоятельности России и Беларуси являются стагнация как в политическом, так и экономическом развитии (подтверждением чему служит гиперинфляция в Беларуси и рецессия в российской сырьевой экспортно-ориентированной экономике), наметившийся тренд к изоляционизму и неспособность к реализации национального потенциала развития, что отражено в позициях данных государств в системе координат государственной состоятельности. *Вывод:* в обоих государствах кластера обозначаются признаки становления эксплуататорской модели государственности при стагнации развития.

Кластер 2 – Албания, Босния, Македония, Молдова, Сербия, Украина.

Данная группа стран образует некую периферию Восточно-Европейского региона, характеризующуюся недостаточной устойчивостью, институционализированностью и воспроизводимостью ключевых государственных функций, невысоким мобилизационным потенциалом государства, экономическими трудностями и неравномерностью в распределении социальных благ. Все страны, вошедшие в кластер,

¹ Страны данного региона в алфавитном порядке: Албания, Беларусь, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Латвия, Литва, Македония, Молдова, Польша, Россия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Черногория, Чехия, Эстония.

сходны как по показателям государственной состоятельности, так и по проблемам в области качества управления и неопределенности вектора развития (в частности, ни одно из государств не является членом ЕС). Вместе с тем общность рисков развития и укрепления состоятельности конкретно по странам обусловлена различными факторами: Македония в принципе никогда не имела собственной государственности; Албания, Сербия и Молдова при стремлении к оптимизации системы управления и институциональной организации на путях к евроинтеграции имеют очень значительные проблемы, связанные как с качеством институтов, так и с неразрешенностью территориальных и этнических конфликтов, что препятствует стабилизации и эффективности функционирования государств; Босния и Украина – в значительной мере аморфные, этнокультурно-разнородные и слабоинтегрированные государственные образования, для которых характерны неупорядоченность системы управления и неустойчивость институциональной среды. *Вывод:* кластер включает страны, характеризующиеся стагнационными тенденциями в воспроизводстве функциональной роли государства и слабостью институциональных контрактных оснований государственности.

Кластер 3 – Словакия, Болгария, Румыния, Хорватия, Черногория.

Страны, вошедшие в данный кластер, имеют сходные проблемы в обеспечении качества государства (в частности, бюрократизацию как наследие старых управленческих практик) и эффективности распределения ресурсов. Также следует отметить, что при достижении определенных успехов в выстраивании сбалансированной институциональной среды и включенности всех государств данной группы в единую европейскую систему, задающую мировые параметры и стандарты государственной состоятельности и обеспечивающие ее аудит, наиболее остро перед ними стоит проблема эффективности функционирования государства. Для Словакии это во многом обусловлено прочными связями с Чехией в рамках союзного государственного образования и необходимостью построения на данном этапе государства на автономных основаниях. Перед Болгарией, Румынией и Хорватией (и отчасти Черногорией как наиболее поздно возникшим полностью международно признанным государством Восточной Европы), относительно недавно присоединившимися к ЕС и достигшими значительных успехов в структурных реформах, стоит потребность в их адаптации к национальной специфике и социокультурному контексту созданных в соответствии с европейскими стандартами государственных институтов и активизации роли государства в обеспечении общественного развития и реализации национального конку-

рентного потенциала, преодолении традиционной для этих стран депрессивности экономического развития и социальных проблем, порожденных прошлым опытом социалистической государственности. *Вывод:* кластер состоит из стран, характеризующихся слабостью активизирующей функции государства в общественном развитии при среднем уровне институциональных контрактных оснований государственности.

Кластер 4 – Чехия, Эстония, Польша, Венгрия, Словения, Литва, Латвия.

Данный кластер объединяет страны, имеющие наиболее высокие значения показателей в системе координат государственной состоятельности, что дает основание рассматривать данную группу из наблюдаемых государств как наиболее успешных на пути построения эффективной и институционально-сбалансированной системы государственного управления. Польша, Чехия и Венгрия – экономические и политические флагманы Восточной Европы с высоким уровнем конкурентоспособности, наиболее тесно включены в интеграционные процессы и достигли наибольшего прогресса в создании транспарентной системы государственного управления в соответствии с международными стандартами. Вместе с тем в рамках данного кластера выделились и успешные страны несколько иной модели развития, ориентированные на построение компактного эффективного государства с использованием преимуществ своего изначального положения – Прибалтийские государства (Латвия, Литва, Эстония) и Словения, также занимающие высокие позиции в системе координат государственной состоятельности и преуспевшие в восприятии опыта эффективного и стабильного функционирования у западно-европейских партнеров (ориентация Прибалтийских государств на Германию, Словению – на Италию и Австрию). *Вывод:* государства, вошедшие в данный кластер, характеризуются высоким уровнем развития контрактных институциональных механизмов и сильной активизирующей функцией.

Таким образом, опираясь на типологию государственной состоятельности по итогам интерпретации кластерного распределения государств, можно классифицировать выделившиеся кластеры стран следующим образом (табл. 3).

Очевидно, что состояние качественных характеристик государственности оказывает влияние и на успешность демократической трансформации стран Центральной и Восточной Европы, и на характер перехода к консолидированной демократии. В этом свете представляется актуальным соотношение уровня демократии с параметрами государственной состоятельности постсоциалистических стран.

Таблица 3

Классификация кластерных групп по типу и уровню государственной состоятельности

Кластер 1 – Эксплуататорские стагнирующие государства (низкий потенциал состоятельности)	Кластер 2 – Стагнирующие государства со слабым контрактным механизмом (потенциал состоятельности ниже среднего)	Кластер 3 – Контрактные государства со слабой активизирующей ролью (средний потенциал состоятельности)	Кластер 4 – Контрактные активизирующие государства (высокий потенциал состоятельности)
Россия, Беларусь	Албания, Босния, Сербия, Македония, Молдова, Украина	Словакия, Болгария, Румыния, Хорватия, Черногория	Чехия, Эстония, Польша, Венгрия, Литва, Латвия, Словения

В качестве сравнительного инструмента, отражающего уровень развития демократии в наблюдаемых странах, целесообразно использовать **индекс демократии стран мира** (The Democracy Index) [14]. Индекс рассчитывается по результатам глобального исследования по методике британского исследовательского центра The Economist Intelligence Unit, основанной на комбинации экспертных оценок и результатов опросов общественного мнения из 167 стран. Индекс составлен из 60 ключевых показателей, сгруппированных в пять основных категорий, которые характеризуют состояние демократии внутри государства: 1) избирательный процесс и плюрализм; 2) деятельность правительства; 3) политическое участие; 4) полити-

ческая культура; 5) гражданские свободы. В итоговом рейтинге все государства ранжируются по 10-балльной шкале на основе индекса демократии и классифицируются по типу режима власти четырьмя категориями: полная демократия, недостаточная демократия, гибридный режим, авторитарный режим.

Для выявления тесноты и характера связи уровня демократии с показателями государственной состоятельности 20 наблюдаемых стран Центральной и Восточной Европы был проведен корреляционно-регрессионный анализ. В табл. 4 отражены результаты множественной корреляции показателей государственной состоятельности с уровнем демократии для 20 исследуемых государств.

Таблица 4

Теснота взаимосвязи показателей государственной состоятельности с уровнем демократии

Показатели государственной состоятельности	Коэффициенты корреляции с индексом демократии (Y)
Доступ к политическим ресурсам (x_1)	0,84
Институциональное равновесие системы (x_2)	0,78
Прозрачность функционирования институтов (x_3)	0,75
Нормативно-правовые гарантии системы (x_4)	0,90
Уровень политических рисков (x_5)	-0,82
Экономическая эффективность (ВНД на душу населения) (x_6)	0,57
Социальная эффективность (ИРЧП) (x_7)	0,50
Эффективность политико-управленческих решений (x_8)	0,84
Инновационная эффективность и конкурентоспособность (x_9)	0,64
Эффективность коммуникации и обратной связи (x_{10})	0,96

По всем показателям корреляция *статистически значима*, наблюдается прямая корреляционная связь.

По результатам множественной регрессии, отражающей *факторную зависимость* уровня демократии, коэффициент детерминации составил (R^2) = 0,97,

что говорит о том, что на 97 % расчетные параметры модели, т.е. сама модель государственной состоятельности, объясняют зависимость и изменения изучаемого параметра Y (уровень демократии) от исследуемых факторов – x_1 – x_{10} (показателей государственной состоятельности). Столь высокое значение коэффи-

циента детерминации свидетельствует о *сильной факторной зависимости* уровня демократии от состояния качественных характеристик государства.

В объяснительном плане с точки зрения характеристик государственной состоятельности как факторных детерминант демократии и самой демократии как важнейшего условия построения сильного самостоятельного государства можно сгруппировать показатели следующим образом.

1. Показатели, фактически отражающие развитие институционализированности демократии: эффективность коммуникации и обратной связи (корреляция 0,96), нормативно-правовые гарантии системы (корреляция 0,90), доступ к политическим ресурсам (корреляция -0,84). Следовательно, чем выше эффективность коммуникации и обратной связи в политической системе, чем сильнее и определеннее ее нормативно-правовые гарантии, чем свободнее доступ к политическим ресурсам, тем выше уровень институционализации демократии.

2. Показатели, детерминирующие уровень устойчивости демократии: институциональное равновесие системы (корреляция 0,78), уровень политических рисков (корреляция -0,82). Таким образом, чем стабильнее и сбалансированнее институциональная система и чем ниже уровень политических рисков, тем устойчивее демократия.

3. Показатели, определяющие характер функционирования демократии: прозрачность функционирования институтов (корреляция 0,75), эффективность политико-управленческих решений (корреляция 0,84). Соответственно, чем транспарентнее и прозрачнее деятельность государственных институтов и чем эффективнее система принятия и реализации политико-управленческих решений, тем лучше функционирует демократическая модель.

4. Показатели, отражающие социально-экономические условия демократии: экономическая эффективность (корреляция 0,57), социальная эффективность (корреляция 0,50), инновационная эффективность и конкурентоспособность (корреляция 0,64). Взаимовлияние и взаимозависимость уровня демократии и параметров социально-экономического развития не так сильна (о чем свидетельствуют коэффициенты корреляции), как зависимость демократии от других институциональных характеристик государственности. Экономический успех и относительное социальное благосостояние отнюдь не свидетельствуют о неотвратимости скорого становления демократии, о чем говорит опыт многих государств, осуществивших в XX в. авторитарную модернизацию.

Безусловно, уровень демократии не может зависеть исключительно от показателей качества состоятельности *государства*. Не менее важными пред-

ставляются характеристики степени открытости и развитости *гражданского общества*. В качестве показателей для отражения данного параметра могут служить:

1) *уровень политических и гражданских прав* (индексный индикатор: рейтинг Состояния свободы в мире по версии Freedom House [15]);

2) *уровень институциональной демократии* (индексный индикатор: Индекс демократии Economist Intelligence Unit);

3) *уровень свободы СМИ* (индексный индикатор: Всемирный индекс свободы прессы по версии организации «Репортеры без границ» [16]);

4) *уровень экономической свободы* (индексный индикатор: Индекс экономической свободы по версии The Heritage Foundation [17]).

Для группировки наблюдаемых стран по выделенным показателям был применен кластерный анализ по идентичному с классификацией государственной состоятельности методу и алгоритму кластеризации (но без заданного числа кластеров).

По результатам анализа в программе SPSS распределение стран по кластерам на основе показателей открытости общества выглядит следующим образом.

Кластер 1: Россия и Беларусь.

Кластер 2: Босния, Молдова, Украина.

Кластер 3: Черногория, Македония, Албания.

Кластер 4: Латвия, Венгрия, Болгария, Румыния, Словения, Хорватия, Сербия.

Кластер 5: Чехия, Эстония, Польша, Литва, Словакия.

Как видно из кластерного распределения, здесь по выделенным кластерам наблюдается значительно схожая, но в целом более комплексная и дифференцированная картина, нежели по образованным кластерам стран по показателям государственной состоятельности. Во многом это обусловлено тем, что уровень открытости и демократичности общества определяется не только типом состоятельности государства, но интенциями развития самого общества, которые детерминируются многими факторами, в том числе дефектными искажениями демократии [18].

Таким образом, в интерпретации кластерного распределения стран Центральной и Восточной Европы по показателям открытости и демократичности общества и направлению эволюции демократии можно классифицировать выделенные кластеры стран следующим образом (табл. 5).

Также можно привести некоторые замечания по соотнесению двух кластерных классификаций (по типу государственной состоятельности и по интенциям развития открытого демократического общества).

Таблица 5

Классификация кластерных групп по траекториям общественно-политического развития

Кластер 1 – К консолидации автократии	Кластер 2 – Проблемные траектории развития (1)	Кластер 3 – Проблемные траектории развития (2)	Кластер 4 – На пути преодоления дефектной демократии	Кластер 5 – К завершению демократической консолидации и построению открытого общества
Россия, Беларусь	Босния, Молдова, Украина	Черногория, Македония, Албания	Латвия, Венгрия, Болгария, Румыния, Словения, Хорватия, Сербия	Чехия, Эстония, Польша, Литва, Словакия

Для России и Беларуси, вошедших в *первый кластер* в обеих классификациях, устойчиво прослеживается тенденция перехода к автократии на фоне закрепления эксплуататорской модели государства и стагнации развития.

Страны *второго кластера* (Босния, Украина и Молдова), классифицированные по типу государственной состоятельности как стагнирующие государства со слабым контрактным механизмом, с точки зрения проблем институциональных искажений в развитии демократии и открытого общества наиболее подвержены влиянию фактора мощного этнокультурного конфликта и характеризуются наметившейся линией к складыванию исключаящих дефектных демократий (Сербская Краина в Боснии, Приднестровье в Молдове, часть Донецкой и Луганской областей на Украине).

Входящие в *третий кластер* Черногория, Македония и Албания характеризуются весьма ограниченной включенностью в процессы демократической трансформации и формирования открытого общества, что сопряжено прежде всего с трудностями данных стран в завершении институционального строительства национальной государственности.

Четвертый кластер включает страны с развитым потенциалом государственной состоятельности (средний и высокий) и четко обозначенными интенциями развития (тут следует отметить, что все страны кластера кроме Сербии – члены ЕС). Вместе с тем для них характерны разнообразные аспекты в области отклонений от консолидированной либеральной демокра-

тии и необходимости модернизации и совершенствования параметров развития открытого общества. Словения и Латвия успешны с точки зрения качества государства, но имеют проблемы, связанные с додемократическим наследием пребывания в СССР и СФРЮ. Болгария и Румыния всегда характеризовались определенной инертностью развития. Хорватия и Сербия имеют значительное количество внутренних противоречий (в том числе этнических), что также является не способствующим консолидации демократии фактором. Венгрия в последние годы характеризуется возникновением некоторых авторитарных тенденций и определенным откатом в открытости развития.

Пятый кластер содержит государства, наиболее преуспевшие на пути демократической консолидации и характеризующиеся при этом высоким потенциалом государственной состоятельности. Польша, Чехия и Словакия являют собой эталонные примеры демократизации Третьей волны, осуществляемые последовательно, не без ошибок и откатов, но завершившиеся успехом демократических практик. Достижения Эстонии и Литвы в построении открытого демократического общества во многом связаны с качественными характеристиками государства, успешностью в построении компактной и эффективной системы управления.

На основе проведенного корреляционно-регрессионного анализа показателей, а также сопоставления образовавшихся кластеров соотношение типа государственной состоятельности с типом политического режима можно представить в виде табл. 6.

Таблица 6

Матрица аналитической классификации стран по типу режима и типу государственной состоятельности

Политический режим	Либеральная демократия	Дефектные демократии	Автократия
Тип государственной состоятельности	Контрактное активизирующее государство	1. Контрактное государство со слабой активизирующей ролью	Эксплуататорское стагнирующее государство
		2. Стагнирующее государство со слабым контрактным институциональным механизмом	

Безусловно, исследование проблем государственной состоятельности в ее взаимосвязи с вектором демократической трансформации методом многомерной статистической классификации по объективным причинам не может полностью отразить все многообразие изучаемого феномена и охватить специфику каждого кейса. В этой связи для подкрепления выделенных классификаций возможности более глубокого качественно-количественного исследования обладают значительным перспективным потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Welfare state // Encyclopedia Britannica. – Mode of access: <http://www.britannica.com/EBchecked/top-639266/welfare-state>

2. Нисневич Ю. А. Государство XXI века : тенденции и проблемы развития : монография / Ю. А. Нисневич. – М., 2012. – С. 26–43.

3. Жигжитов С. В. К вопросу о государственной состоятельности : основные подходы к концептуализации / С. В. Жигжитов // Сравнительная политика. – 2011. – № 3. – С. 6–7.

4. Ильин М. В. Пределы государственной состоятельности / М. В. Ильин // Сравнительная политика. – 2011. – № 3. – С. 44.

5. Фукуяма Ф. Сильное государство : управление и мировой порядок в XXI в. / Ф. Фукуяма. – М., 2006. – С. 28.

6. Ильин М. В. Структурные параметры неблагоприятия государств / М. В. Ильин // Асимметрия системы мирового суверенитета : зоны проблемной государственности / ред. М. В. Ильин, И. В. Кудряшова. – М. : МГИМО-Университет, 2011. – С. 27–29.

7. Rotberg R. I. Failed States, Collapsed States, Weak States : Causes and Indicators // State failure and state weakness in a time of terror / R. I. Rotberg (ed.). – Wash. : Brookings Institution press, 2003. – Mode of access: http://www.brookings.edu/press/books/chapter_1/statefailureandstateweaknessinatimeofterror.pdf

8. Кудряшова И. В. Государственная состоятельность как критерий легитимации новых государств / И. В. Куд-

ряшова // Сравнительная политика. – 2011. – № 3. – С. 25–26.

9. Мельвиль А. Ю. Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах / А. Ю. Мельвиль. – М., 2011. – С. 18.

10. Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст ; пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. – М. : Изд. Института Гайдара, 2011. – 480 с.

11. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / М. Олсон ; пер. с англ. – М. : ФЭИ, 1995. – 174 с.

12. Институциональная политология : современный институционализм и политическая трансформация России. – М., 2006. – С. 21–22.

13. Гаман-Голутвина О. В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления : отечественный и зарубежный опыт / О. В. Гаман-Голутвина // Полис (Политические исследования). – 2007. – № 4. – С. 27.

14. Democracy Index Report 2012, The Economist Intelligence Unit. – Mode of access: https://portoncv.gov.cv/dhub/porton.por_global.open_file?p_doc_id=1034

15. Index of Freedom in the World 2014, Freedom House. – Mode of access: http://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2014#U4EhB_1_vUc

16. Worldwide Press Freedom Index 2013, Reporters without borders. – Mode of access: <http://en.rsf.org/press-freedom-index-2013,1054.html>

17. Index of Economic Freedom 2014, The World Heritage Fund. – Mode of access: <http://www.heritage.org/index/>

18. Меркель В. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) / В. Меркель, А. Круассан // Полис (Политические исследования). – 2002. – № 1. – С. 6–17.

19. Меркель В. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (II) / В. Меркель, А. Круассан // Полис (Политические исследования). – 2002. – № 2. – С. 20–30.

Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet

Куманичкин П. С., аспирант кафедры социологии и политологии

E-mail: pavell30593@mail.ru

Тел.: 8-915-588-46-49

Voronezh State University

Kumanichkin P. S., Post-graduate Student of the Sociology and Political Science Department

E-mail: pavell30593@mail.ru

Tel.: 8-915-588-46-49